
«Сто второй
квартал» - Том
1

Сергей Афонин

«Сто второй квартал» - Том 1

«Автор»
2026

Афонин С.

«Сто второй квартал» - Том 1 / С. Афонин — «Автор», 2026

Егорь Савин прибывает на заставу «Третья Веха», где каждую ночь зачитывают имена погибших: считается, что память удерживает границу.За Межой лежит Изнанка — мир отражений, способных носить знакомые лица.У Егоря есть марка, позволяющая вернуть девять секунд назад, но каждый откат забирает часть его собственной памяти.Когда соседний квартал теряет свою веху, а на заставе появляется девушка с другой стороны, Егорю предстоит понять, кто здесь враг, а кто просто ищет место, где его не сотрут.На этой границе иногда важнее не выстрелить, а назвать человека по имени.

© Афонин С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Узкоколейка 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Сергей Афонин
«Сто второй квартал» - Том 1

Глава 1

Узкоколейка

Теплушка вошла в Лихолесье задом наперёд, как входят в чужой дом: медленно, с шипением, будто извиняясь. За третьим поворотом лес раздвинулся, и Егорь увидел Межу.

Он ждал стены. Наслушался в призывной комнате — «воздух стоит стеной», «тени не туда». А увидел просто тайгу, и только через полверсты понял, что не так: сосны там стояли тем же рядком, что здесь, но рядок был другой, будто кто-то переписал лес набело и слегка съехал строкой. И тихо. Не лесная тишина — та живая, с птицей, — а выключенная, как в комнате, где только что перестал гудеть мотор.

— Первая разведка, — сказала женщина напротив, не отрываясь от окна. — Смотрим в оба, рядовой Савин. Чем дольше смотришь, тем меньше удивляешься. А удивлённых там не любят.

Она сидела прямо, как сидят у доски, и руки держала на коленях ладонями вниз — белые от мела пальцы, которым не нашлось дела всю дорогу. Василиса Кремнёва, мобилизованная, из Заверетья. Двое суток в одной теплушке, а сказали друг другу слов двести, не больше. Егорь думал: у неё тоже марка. Спрашивать не стал. Марку не спрашивают, как не спрашивают, что у человека вместо сердца.

— Кремнёва, — сказала она вдруг, будто подхватила его мысль. — А вы, стало быть, Савин. Из Сухогорья.

— Оттуда.

— Чаша?

— Рядом с Чашей. Нас оттуда выперло, когда я маленький был.

— Помните?

Он хотел сказать «помню» и не сказал. Он помнил степь и помнил, что бегал к речке, — но куда бегал и по какой дороге, помнить перестал году в шестнадцать, когда откатился четыре раза за одну ночь. Помнил, что бегал. Это как помнить, что у тебя был брат.

— Кое-что, — сказал он.

Она кивнула так, будто он ответил у доски правильно, но не полностью.

Платформа заставы «Третья Веха» была длиной в один вагон. Будка, шлагбаум из жерди, столб с выцветшей полосатой краской — обычный, дорожный, не тот. А за будкой, посреди плаца, стоял тот.

Егорь увидел его раньше, чем казарму: тёмный столб в обхват, железо по верхушке, весь в насечках, будто исписанный. Вокруг столба земля была вытоптана до блеска, хотя остальной плац стоял в осенней каше. К столбу шёл наряд — четверо, с винтовками, шли медленно, и Егорь сперва решил, что это караул. Потом увидел: винтовки за спиной, шаг не строевой, и один несёт не оружие, а ведро и тряпку.

— Развод на кормление, — сказал прапорщик, встречавший теплушку. — Повремените пока со штатным распорядком, гражданочка. — Он всмотрелся в её шинель без знаков и поправился: — То есть товарищ мобилизованный. Ступина я, Ольга Ильинична, начсклад. Вещи — вон той паре, живо. А вы двое — к коменданту. Он у знака.

Комендант стоял у столба спиной к ним, и Егорь успел разглядеть только коренастую спину и руки — руки плотника, подумалось отчего-то, хотя откуда он знал, какие руки у плотников. Наряд зачитывал. Старший держал перед собой книжку в клеёнке и читал негромко, по-деловому, как читают наряд на плацу:

— Знак пограничный номер три дробь сто семнадцать. Участок Третьей Вехи, квартал сто второй, Лихолесье. Поставлен в первый год. Обслуживается ежесуточно. Служили и служат… — И дальше пошли имена. Не списком-перечнем, а по одному, с паузами, и на некоторых старший запинался и поправлялся: — Стожок Архип… погиб. Верест Авдотья, шести лет… — пауза была длиннее других, — …вписана по воле коменданта. Стожок Ефрем…

Комендант слушал с непокрытой головой, хотя моросило. Когда чтение кончилось, старший наряда опустился на корточки и начал протирать нижний срез столба тряпкой, медленно, как обтирают ребёнка после купания.

— Капитан Верест, — сказал Ступина за спиной у Егоря, тихо и без всякой своей обычной, как потом выяснилось, скороговорки. — Товарищ капитан, пополнение.

Верест обернулся. Глаза у него были в морщинах человека, который всю жизнь щурится на дальнюю воду. Он посмотрел на Василису, потом на Егоря, — и Егорь увидел, как взгляд скользнул ему на левое предплечье, хотя рукав был опущен. Светился, понял Егорь. Марку чувствует Межа — а комендант, выходит, чувствует марку.

— Значит, так, — сказал Верест. Голос сухой, короткие фразы, как рубленые. — Меня зовут капитан Верест. Застава — Третья Веха. Ваш знак — три сто семнадцать, вторая по возрасту веха страны, триста сорок имён. Учитесь у неё, а не у меня: я могу ошибиться, она — нет. Устав прочтёте. Распорядок вывешен в казарме. Вопросы?

— Товарищ капитан… — начала Василиса.

— Вопросы по службе задаются у меня в кабинете с шестнадцати до семнадцати. Вопрос не по службе у вас один, я отвечу сразу. — Он снова посмотрел Егорю на предплечье. — Да. Марки здесь светятся для той стороны, как печка в окно. Прикрыть нельзя, отменить нельзя. Держать можно. Этим и займёмся. Всё. Ступина, накормить, определить, завтра в шесть — развод.

Он повернулся к знаку. Егорь уже шёл за прапорщицей, когда услышал за спиной — тихо, почти не в голос: комендант продолжил читать сам, не по книжке, по памяти, там, где наряд кончил:

— …Терёхин Матвей. Улитин Прокопий. Гаркуша Василий, погиб…

Он знал их всех. Триста сорок.

Склад пах керосином, сукном и сушёными яблоками. Ступина сыпала словами, как из совка:

— Койки — вторая казарма, новая, бетонная. Старая — вон та, деревянная, ещё плоских времён, когда граница была линия на карте, представляете? Теперь в ней клуб и моё добро. Вы, сынок, чего стоишь с гильзой на шее, как с чужим паспортом? Сними, у нас тут свои.

Егорь прикрыл гильзу-медальон ладонью — поздно, замечено.

— От матери, — сказал он. — Нитка.

— Нитка так нитка. — Ступина не стала уточнять, чья нитка и отчего в гильзе. — Ужин — гречка, тушёнка настоящая, не спрашивай откуда. Ты, Кремнёва, постельное у меня же получишь, у женщин отдельный закуток за печью, занавеску я велю повесить двойную. У нас тут тридцать штыков, а бабских носов — четверо со мной, считай, квартира. — Она вдруг остановилась, взвесила их обоих взглядом и выдала совсем другим тоном, человеческим: — Про правило одно скажу, а дальше сами. Тут всё по распорядку. Это не занудство, это чтоб не сойти. Кто распорядок ломает — того Межа учит. Доучивает редко.

В казарме пахло хвоей от нар и чужим табаком. Егорю досталась койка у окна — форточка не закрывалась до конца, тянуло. Он стелил, когда сосед справа, дюжий боец с копной соломенных волос, кивнул на его руку:

— Повторник, стало быть. Слыхали. Наставника тебе дали Власа. Влас Северов, слыхал? Третий год, из внешних. Молчун, но по делу молчун. Тебе с ним свезло: он марков не жалеет, зато и не сливает.

— Сливает — это как?

— Ну. — Боец покрутил пальцем у виска, потом, спохватившись, что жест вышел двусмысленный, пояснил: — Есть командиры, которые марка ставят туда, где плотнее. Ты ж девять секунд можешь, а? Вот тебя и ставят на одиннадцать. — Он хохотнул, но глаза при этом не смеялись. — Влас не такой. Влас сам ходит первым.

— А ты?

— А я Корней. — Он пожал Егорю руку крепко, до хруста. — Корней Улитин. Дед мой в знаке вписан, слышал сегодня, читали. Гаркуша Василий — это мамкин батя, так что мы тут, считай, наследственные. Ты чьих будешь?

— Сухогорских.

— Переселенцы, значит. Из Чаши. — Корней присвистнул с уважением, как присвистывают на чужой шрам. — Ну, степняк, тогда держись. У нас тут лес, а у леса свой счёт.

Вечером Егорь не сразу лёг. Дождался, пока казарма засопела, достал из вещмешка плёнку — старую бобину в картонном кругляше, магнитофончик с наушником, съеденным до пенки. Провод потрескался, он перемотал его изолентой ещё дома.

Голос записан был на кухне, за десять лет до призыва. Мать что-то говорила про грозу — Егорь не слышал слов, он никогда не слушал слов, он слушал, как она дышит между ними. Лицо матери он не видел уже три года: стёрлось в ту ночь у соседского хутора, когда он четырежды откатился из-под горящей балки, спасая чужого ребёнка. Наутро он открыл глаза, посмотрел на женщину, которая ставила перед ним миску, и подумал: у нас гости. Она поняла по его лицу. Села напротив и сказала: «Я мама. Ничего, сынок. Ты кашу ешь». С тех пор он слушал плёнку каждую ночь — переписывал память, как переписывают исписанную тетрадь, пока бумага не истлела.

Голос кончился щелчком. Егорь перемотал и, уже засыпая, услышал, как за окном, на плацу, поздний наряд читает знаку имена — вечерняя сверка, вне расписания, самовольная:

— …Верест Авдотья, шести лет…

Голос был комендантов.

А откуда-то с псарни, длинно и нехотя, как пробуют натяжку троса, взвыла собака — и оборвалась на полувое, будто осеклась.

Василиса не спала. За занавеской, которую Ступина велела повесить «двойную, чтоб никаких», она лежала на спине и в темноте перебирала, как чётки, то, что ещё её.

Начало «Войны и мира» — помнит. Конец — нет, концов нет ни у одной книги, прочитанной до того дня у сельсовета. Начало свадьбы — помнит: загс, платье с чужого плеча, мать плачет в платок. Дальше — чистая страница, и по документам выходит, что муж был и брак расторгнут «по обоюдному», а у неё внутри по этому поводу нет ничего, даже боли. Боль требует материала.

Она встала, накинула шинель и вышла на крыльцо — посмотреть на знак, как новенькая смотрит на школу, в которой ей отныне служить.

Знак стоял в темноте, чуть светлея гранями. А у сторожевого домика связи, где в окне горела керосинка, сидела на завалинке девчонка в ушанке, с наушниками на шее, и курила самокрутку, держа её странно, двумя пальцами, как карандаш.

— Не спится? — спросила девчонка, не оборачиваясь. Голос низкий, размеренный, как будто она уже говорила в эфир и забыла выйти из него. — Первую ночь тут все не спят. Я Полоз. Агата. Связь.

— Кремнёва.

— Знаю. Мобилизованная. Гласная. — Агата похлопала по бревну рядом с собой. — Садись, раз не спится. Только тихо: я слушаю.

— Что слушаешь? Здесь же тихо.

— Вот именно. — Агата приподняла один наушник, и Василиса услышала: внутри, сквозь шорох эфира, шла дробь — ровная, частая, как капель с крыши после дождя. — Слышишь?

— Дождь?

— Веха. Наша. Три сто семнадцать. Она стоит — она и стучит. Каждая обслуженная веха держит ритм, как сердце. По всему поясу они стучат, все вразнобой, и это хорошо: вразнобой — значит, живые, значит, у каждой свои руки и своё расписание. — Она затянулась. — Плохо, когда начинают стучать в лад.

— А так бывает?

Агата не ответила сразу. Потом сняла наушники совсем и сказала уже без эфирной размеренности, просто:

— Меня сегодня спросил комендант, не сбилось ли чего. Я сказала: не сбилось. Это правда. Но, Кремнёва… — Она повернулась, и Василиса увидела, что девчонке этой — двадцать с небольшим, а глаза старше комендантовых. — Сегодня днём у сто четвёртого квартала, у соседей, ритм на минуту стал чистым. Очень чистым. Как отпечатанным. Живой знак так не стучит. Живой — он как человек: дышит, сбивается, спотыкается.

— Ты доложила?

— Доложила. Верест молчал минуту и сказал: «Запиши, когда началось». Я записала. — Она бросила бычок и раздавила его каблуком, аккуратно, до последней искры. — Он всегда так. Ничего не объясняет, но всё записывает. У него на стене карта, которую он сам чертит, потому что «карты врут». И календарь. Не числа — другое. Когда Межа встаёт, когда ложится, когда дышит на нашу сторону. Пятнадцать лет пишет. Штаб считает это блажью. А я скажу тебе, мобилизованная: тут, у нас, блажь — это то, что ещё не вошло в устав, потому что уставщики не дожили.

Она встала, отряхнулась.

— Иди спи. Завтра развод в шесть, и тебя, гласную, поведут знакомить с псарнёй. Совет бесплатный: Кобелю не улыбайся. Он решит, что ты что-то скрываешь. Собакам, кстати, улыбайся сколько хочешь. Они умеют.

Василиса пошла к казарме и уже у двери обернулась. Агата снова сидела в наушниках, и лицо у неё было слушающее, вслушанное в темноту пояса, — и Василиса подумала вдруг, отчётливо, как думают о чужом: вот человек, который держит рубеж ушами. А Егорь — телом. А она — словом. И все мы, выходит, чем-то вроде вех, только кормим себя сами.

В темноте, на плацу, ровно стучала веха. Или ей чудилось.

Она легла и долго не могла вспомнить, чем кончается сказка, которую она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.